

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

А.В. Бутенко**МОТИВ ЗЕРКАЛА
В ЧЕЧЕНСКОМ ТЕКСТЕ**

Рассматривается понятие «Чеченский текст русской литературы». Поскольку единство сверхтекста образует, в частности, система лейтмотивов, анализируются особенности функционирования мотива зеркала и связанных с ним семантических комплексов. На примере художественной прозы Г.Садулаева, З.Прилепина, А.Проханова, П.Жеребцовой автор делает вывод о трагической символике зеркала в Чеченском тексте.

Ключевые слова: *военная проза 2000-х гг., сверхтекст, мотив зеркала, Чеченский текст.*

DOI: 10.18522/1995-0640-2017-1-30-35

Бутенко Александра Валерьевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.
Тел.: 8-952 488-61-19, 8-953-355-68-72
E-mail: seedore@mail.ru

© Бутенко А.В., 2017.

Концепция В.Н. Топорова о Петербургском тексте русской литературы, поддержанная другими учеными тартуско-московской семиотической школы, положила начало освоению локальных сверхтекстов. В литературоведческих трудах появился Сибирский, Крымский, Северный, Парижский, Ташкентский, Венецианский, Лондонский и даже Московский текст, несмотря на первоначальное отрицание его существования в противовес Петербургскому (как писал В.Н. Топоров, описания Москвы «от Карамзина до Андрея Белого» не образуют особого «московского» текста русской литературы) [Топоров, с. 278]. Таким образом, уже в основополагающей статье В.Н. Топорова «Петербург и “Петербургский текст русской литературы”» явилась проблема определения критериев локального сверхтекста, встал вопрос о том, всякий ли культурно значимый локус образует свой сверхтекст.

Понятие «локальный сверхтекст» разрабатывали В.В.Абашев, А.Г.Лошаков, Н.Е.Меднис, Л.З.Полещук, Н.М.Теребихин, О.С.Шурупова. Обобщая различные дефиниции, мы можем выделить главные, на наш взгляд, отличия локального сверхтекста. Во-первых, это предшествующая его формированию мифологическая основа (сверхтекст вырастает не из реального локуса, а из мифа о нем), во-вторых, лиминальность (в терминах экзистенциальной философии – пограничная ситуация, ведущая к метафизическому рождению или метафизической смерти). Пространство локуса, вокруг которого складывается сверхтекст,

обязательно воздействует на литературного героя, принуждая к поиску ответов на фундаментальные вопросы бытия. Отсюда возникает единство взаимоисключающих понятий, двойственность, полярность оценок, когда вера в избранность спаяна с идеей отверженности, а красота граничит с «ужасом жизни». Именно поэтому через сверхтекст возможен «прорыв в сферу символического и провиденциального» [Топоров, с. 275].

Чеченский конфликт, вспыхнувший в 1994 г., и последующие трагические события на Северном Кавказе потребовали художественного и публицистического осмысления в русской литературе и журналистике. Оказалось, что война в Чечне стала средоточием тех нравственных, экономических, политических, национальных и религиозных проблем, с которыми столкнулась Россия после распада Советского Союза (показательно название специализированного интернет-издания, возникшего в 2001 г., – «Кавказский узел»). Узел противоречий в крайне обостренной пограничной ситуации войны и кавказский миф, отразившийся в русской классической литературе XIX в., слагают базис Чеченского текста. Семантическая связность текстов, составляющих данный сверхтекст, определяется, по В.Н. Топорову, «монолитностью максимальной смысловой установки» [Топоров, с. 279] – т. е. единым стремлением к выходу из кризиса и духовному очищению вне зависимости от жанра и авторства. На уровне поэтики цельность сверхтекста как системы определяется общими для различных текстов элементами – это и пространственно-временная организация, и пейзажные описания, и сквозные мотивы. Ниже мы рассмотрим подробнее мотив зеркала в Чеченском тексте.

Символические, архетипические и мифологические коннотации зеркала в культуре столь обширны, что позволили ученым объявить зеркало «семиотической машиной описания чужой структуры». В рамках семиотического подхода зеркало рассматривается как граница семиотической организации и граница между «нашим» и «чужим» мирами» [Минц, с. 4]. В Чеченском тексте война неминуемо делит пространство на «свое» и «чужое», при этом «чужое» воспринимается как хаотическое, поскольку организовано иначе, имеет другую структуру. С точки зрения семиотики, зеркальные эффекты (мена правого и левого, внешнего и внутреннего, перемена направления в течении времени) выступают знаками других организаций и воспринимаются как свидетельства дезорганизации или говорят о структурной реорганизации [Минц, с. 4].

Героя Чеченского текста преследует ощущение неправильности всего происходящего – и не только потому, что он приезжает в Чечню из «большой России», но и потому, что война превращает любое пространство в «чужое», в чуждое для жизни. Как свидетельствует история локальных войн, трагическое «отчуждение» может произойти в границах одной страны или даже в пределах одного города. Так, герой-рассказчик романа Германа Садулаева «Шалинский рейд», выросший в Шали, многократно противопоставляет описания родного села до и

после начала войны. В этом романе о Второй чеченской войне 1999 г. показано, что граница между реальным и ирреальным миром, «своим» и «чужим» пролегает там, где реализуется немыслимая степень жестокости – «фантастическое насилие». Под его влиянием исчезают какие-либо нормы, правила, законы, изменяются категории времени и пространства. Эта другая реальность обозначается словосочетанием «неизвестное направление», которое часто звучит в новостях о похищении людей. Когда героя-рассказчика Тамерлана Магомадова увозят в том самом «неизвестном направлении», родные для него окрестности Шали перестают существовать: «Мы местные, для нас это вовсе не неизвестное направление. Но оно стало таким и для нас. Словно мы перешагнули тонкую зеркальную грань между мирами. Это были те самые места, где мы играли в детстве. Но, стоя привязанным к дереву, я почти не узнавал окрестностей. Это было здесь и не здесь. Я понял, что попал в то измерение, из которого не возвращаются» [Садулаев]. Переход в инобытие сравнивается в тексте с «зеркальной гранью».

Согласно мифопоэтической традиции, зеркала, как и другие предметы с семантикой границы (окно, порог, колодец, печная труба), таят в себе опасность. В романе «Патологии» Захара Прилепина эта смертельная угроза вещественна и буквальна: «Пацаны смотрят на дома, на пустые окна в таком напряжении, что, кажется, лопни сейчас шина – многие разорвутся вместе с ней. Ежесекундно мнится, что сейчас начнут стрелять. Отовсюду, из каждого окна, с крыш, из кустов, из канав, из детских беседок <...>... как же много окон...» [Прилепин, с. 24]. Само название романа – «Патологии» – связано с зеркальным свойством мены нормы и аномалии, отсюда возникают мотивы болезни и телесности.

Герои повествования попадают в Грозный через мост, который также является вариантом границы между двумя мирами. В мировой культуре символ моста сближается по значению с символом зеркала, поскольку «выступает в качестве связующего звена между непостижимым и доступным постижению» [Энциклопедия: символы и знаки]. В русском фольклоре Калинов мост, разделяющий Явь и Навь (живых и царство мертвых), охраняется Трехглавым Змеем, и здесь же происходит битва добра со злом – бой между богатырем и змеем. В романе «Патологии» у моста крутится страшная большая собака, за которой тянется кровавый след. Описание агонии животного насыщено физиологическими подробностями, которые призваны вызвать у читателя скорее отвращение, чем чувство жалости, поэтому и герои смотрят на собаку с «ужасом и неприязнью». Убивает собаку взводный по кличке Шея: он получил свое прозвище из-за «бычьей шеи», могучего телосложения, как у былинного богатыря. В русском фольклоре именно богатыри, в отличие от героев волшебной сказки, защищают не личные, а общенародные интересы и побеждают своими силами, без помощи волшебного средства [Петров]. «Богатырь» Шея трижды стреляет в голову собаки – прием тройного повторения соотносит повествование с традицией волшебной сказки. Так же как и в сказке, граница между мирами обозначена

и на уровне обоняния: «Мы въезжаем на мост. Поездка воспринимается через смену запахов – наверное, в человеке просыпается затаенное, звериное: если в Ханкале по-домашнему веет портянками, тушенкой, дымом, а за ее воротами пахнет сыростью, грязью, то ближе к городу запахи становятся суше, злее» [Прилепин, с. 23]. Та же фольклорная интонация стилистики звучит в названии города, откуда прибыла группа спецназовцев (Святой Спас), в прозвищах героев, которые даны в соответствии с их физическими особенностями или чертами характера (Шея, Язва, Плохиш, Конь, Скворец, Монах). Представляется, что традиционная мифопоэтическая основа текста может быть выявлена не только в романе «Патологии», но и в произведениях А. Проханова, Г. Садулаева, В. Маканина, где она подвергается оригинальному переосмыслению в соответствии с авторской концепцией.

В экспозиции романа «Идущие в ночи» А. Проханова образ-символ зеркала служит раскрытию внутренней сущности происходящего. Монтаж нескольких точек зрения – от взгляда на Грозный с высоты птичьего полета до позиции стоящего у окна наблюдателя – создает эффект поэтапного движения камеры от общего плана к крупному. Финальной точкой движения становится взгляд сквозь осколок оконного стекла: «Ленивый пожар соседней пятиэтажки, расстрелянной днем из танков, трепетал в осколке стекла, застрявшего в обгорелой раме. Лейтенант Валерий Пушков, командир мотострелкового взвода, смотрел на эту ломаную стеклянную плоскость, в которой, как в зеркале, отражался изуродованный, в кровоподтеках и ссадинах город» [Проханов, с. 201]. Благодаря приему монтажа, автор на макро- и микроуровне показывает последствия конфликта и вводит читателя в художественный мир произведения. В осколке стекла, как в особенной точке пространства с насыщенной семантикой, сконцентрирован метафизический ужас войны. Ирреальный враждебный хронотоп, открытый О. Ермаковым в романе «Знак зверя» о войне в Афганистане 1979 – 1989 гг., присутствует и в романе А. Проханова. Здесь враги – inferнальные существа, духи, тени – часть ирреального пространства войны, обитатели мира зазеркалья. Если бои идут в Грозном, как в романе «Патологии», то днем боевики «отсиживают» в укрытиях, а ночью овладевают городом, что придает образу врага мистические коннотации. Анализируя прозу о чеченской кампании А. Бабченко, З. Прилепина, А. Карасева, критик А. Рудалев справедливо полагает: «Манифестацию ирреальности происходящего можно рассматривать как следствие напряженного конфликта между “своим” и “чужим”» [Рудалев]. Характерный для Петербургского текста мотив ирреальности в Чеченском тексте отягощен идеей борьбы с темным, антигуманистическим началом.

Иная функция зеркальной образности реализуется в рассказе П.Жеребцовой «Маленький ангел». Герои прозы П.Жеребцовой, как правило, не наблюдают Грозный извне, а живут внутри разрушенного города, что позволяет автору представить уникальную точку зрения на военный пейзаж. Для этих героев Грозный – это не inferнальная пу-

стынная зона, а родной город, где в руинах, без воды и электричества, продолжается будничная жизнь. Повседневность в этих условиях обладает совершенно специфическими качествами, которые в норме ей не свойственны. Разбитое зеркало в рассказе «Маленький ангел» символизирует всеобщее несчастье через трагическое одиночество героини – девочки Любы. Ее детская энергия, наполненность жизнью противопоставляется мертвой, искореженной поверхности, и в этом контрасте заключается трагедия: «Наверное, как все дети, она <соседка Любаша> любит мороженое и танцевать. Но кто оценит все эти движения рук, блеск глаз? Неожиданные повороты? Разве что мутное, разбитое зеркало?» [Жеребцова, с. 63].

Зеркало есть не только «семиотическая машина», но и, по определению философа В.Ю.Сухачева, «машина тождества», ведь кроме дифференциальных в отражении проявляются общие, интегрирующие признаки: «Убить человека – разбить зеркало, перестать видеть себя в другом, отказаться от встречи с самим собой вне себя, дисквалифицировать утверждение “и Я, и другой – мы люди”, взломать машину тождества» [Сухачев]. Разбитое зеркало в Чеченском тексте символизирует снятие табу на убийство, т. е. трагический переход от мира к войне.

Литература

Жеребцова П. В. Маленький ангел // Тонкая серебристая нить. М., 2015. 318 с.

Миц З.Г. (ред.). Зеркало: Семиотика зеркальности. Труды по знаковым системам. Вып. 831. Т. 22. Тарту, 1988. 166 с.

Петров Н. Словарь терминов русского фольклора [Электронный ресурс]. URL: <http://arzamas.academy/materials/567> (дата обращения: 15.12.2016).

Прилепин З. Патологии. М., 2012. 349 с.

Проханов А.А. Идущие в ночи // Вознесение. Лучшие военные романы. М., 2012. 638 с.

Рудалев А. Обыкновенная война. Проза о чеченской кампании [Электронный ресурс]. // Дружба народов. 2006. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2006/5/ru14.html> (дата обращения: 15.12.2016).

Садулаев Г. Шалинский рейд [Электронный ресурс] // Знамя. 2010. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/1/sa2.html> (дата обращения: 15.12.2016).

Сухачев В.Ю. «Волки»: по ту сторону человека, между Богом и бестией [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/suhachyov-yu/volki-po-tu-storonu-cheloveka-mezhdu-bogom-i-bestiey> (дата обращения: 15.12.2016).

Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. 624 с.

Энциклопедия: символы и знаки [Электронный ресурс]. URL: <http://sigils.ru/symbols/most.html> (дата обращения: 15.12.2016).

References

Zherebtsova P. V. Malen'kii angel. *Tonkaya serebristaya nit'*. M., 2015. 318 p. (In Russ.)

- Mints Z.G. (red.). *Zerkalo: Semiotika zerkal'nosti. Trudy po znakovym sistemam*. Vyp. 831. T. 22. Tartu, 1988. 166 p. (In Russ.)
- Petrov N. *Slovar' terminov russkogo fol'klora* [Elektronnyi resurs]. URL: <http://arzamas.academy/materials/567> (accessed: 15.12. 2016). (In Russ.)
- Prilepin Z. *Patologii*. M., 2012. 349 p. (In Russ.)
- Prokhanov A.A. *Idushchie v nochi. Voznesenie. Luchshie voennye romany*. M., 2012. 638 p. (In Russ.)
- Rudalev A. *Obyknovennaya voina. Proza o chechenskoj kampanii* [Elektronnyi resurs]. *Druzhba Narodov*, 2006, no 5. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2006/5/ru14.html> (accessed: 15.12.2016). (In Russ.)
- Sadulaev G. *Shalinskii reid* [Elektronnyi resurs]. *Znamya*, 2010, no 1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/1/sa2.html> (accessed: 15.12.2016). (In Russ.)
- Sukhachev V.Yu. «*Volki*»: *po tu storonu cheloveka, mezhdru Bogom i bestiei* [Elektronnyi resurs]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/subachyov-vyu/volki-po-tu-storonu-cheloveka-mezhdru-bogom-i-bestiei> (accessed: 15.12. 2016).
- Toporov V.N. *Peterburg i «Peterburgskii tekst russkoj literatury»* (Vvedenie v temu). *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe*. M., 1995. 624 p. (In Russ.)
- Entsiklopediya: simvoly i znaki [Elektronnyi resurs]. URL: <http://sigils.ru/symbols/most.html> (accessed: 15.12. 2016). (In Russ.)

Alexandra V. Butenko (Veliky Novgorod, Russian Federation)

Motive of the Mirror in the Chechen Text

The article discusses the concept of «Chechen text», which represents the local supertext, formed as a result of the literary and journalistic reflection events of the first and second Chechen campaign (1994-1996s, 1999-2009s). V.N.Toporov's discovery of the Petersburg Text of Russian literature led to the idea of extrapolating of the supertext on other culturally significant loci. The article notes that the mythology and liminality are important features of the supertext, and its integrity forms common elements: the space-time organization, landscape description, through motives. One of these motives is the motive of the mirror, which functions in accordance with the tradition mythopoetic, indicating the border. Crossing through the mirror facet, due to the literary texts by G.Sadulaev, Z.Prilepin, A.Prokhanov symbolizes the immersion in a surreal hostile space, the space of war and violence. The image of a cloudy broken mirror, manifested in the story by P.Zherebtsova «Little angel», is interpreted as a sign of universal misery, destruction of the fundamental laws of life. The article deals with options such as complex semantic mirror, like a bridge, and glass. The implementation of the principle of the mirror vision (analogue mirror – dream) may be the subject of a separate study.

Key words: *military prose of the 2000s, supertext, mirror motive, Chechen text.*

Alexandra V. Butenko – post-graduate student of Russian and foreign literature dpt. Novgorod State University of Yaroslav Mudry. Phone: +7 952-488-61-19; e-mail: seedore@mail.ru